

В миг, когда правда выплыла наружу, последний остаток разума Гун Чэня сгорел без следа. Звериный инстинкт окончательно взял верх, затопив сознание.

Его движение было почти невидимым: Пу Яочжи не успел и опомниться, как мощная хватка рывком прижала его к стене.

Парень оцепенел от ужаса.

Сжимая пальцами шею Яочжи и вцепившись другой рукой в его волосы, Гун Чэнь наклонился и едва ощутимо втянул носом воздух у самого его горла.

У Пу Яочжи от страха подкосились ноги, на глаза навернулись слёзы.

— Одноклассник Гун... что с тобой? — дрожащим голосом выдохнул он.

Ответа не последовало.

Гун Чэнь горел как в огне — даже кончики его пальцев были обжигающе горячими. Принюхавшись к шее юноши, он обнажил острые клыки.

В мгновение перед тем, как зубы вонзились в кожу, охваченный паникой Яочжи изо всех сил рванул и оттолкнул его. От этого резкого движения оскаленные клыки скользнули по предплечью Яочжи, мгновенно рассекая кожу. Появилась алая полоса.

Клыки, подобные лезвиям, оставили глубокий порез, и на руке выступили крупные капли крови.

Яочжи замер, глядя на рану с диким испугом. Подняв глаза, он встретил мутный, потемневший взгляд Гун Чэня — в нём не осталось и капли прежней рассудительности. Так смотрит хищник, готовящийся к броску.

Яочжи сжался и попятился, забиваясь глубже в угол. Он совершенно не понимал, что происходит с одноклассником.

— Одноклассник Гун... ты болен? — запеленав дрожь в голосе, прошептал он. — Где школьный врач? Почему его нет?!

Гун Чэнь даже не услышал. Шагнув вперёд, он снова протянул руку, чтобы схватить юношу.

Яочжи попытался отпрянуть, но куда уйдёшь из крошечного школьного медицинского пункта? Побег провалился: тяжёлая ладонь мёртвой хваткой сжала его запястье. Сила была такой, что

кости едва не хрустнули.

Пальцы Яочжи мгновенно онемели от холода. Он застыл, не в силах вырваться и совершенно не понимая, в какую ловушку попал.

Вздувшийся, удушливый аромат феромонов с оттенком красного вина заполнил весь школьный медицинский пункт. Любой альфа или омега, окажись они здесь, сразу бы поняли: у Гун Чэня начался гон.

Но Яочжи был бетой. Он ничего не чувствовал.

Гун Чэнь без труда вздёрнул его с пола за запястье. Он снова вцепился в шею Яочжи, собираясь вонзить клыки, как вдруг в его налитых кровью глазах мелькнул проблеск сознания. Словно опомнившись, Гун Чэнь резко отбросил юношу и отступил на шаг.

Его взгляд метнулся по сторонам и зацепился за хирургические ножницы для перевязок, лежавшие на столике. Без колебаний схватив их, он с силой вонзил лезвие себе в предплечье.

По руке хлынула кровь, но резкая боль вернула ему разум.

Яочжи с глухим стуком упал на пол. От ушиба перехватило дыхание, вырвался стон. Только он поднял голову, чтобы узнать, что происходит, как увидел, как Гун Чэнь калечит сам себя.

Охваченный ужасом, забыв о боли, Яочжи с трудом поднялся, чтобы помешать ему. Но едва он сделал шаг навстречу, Гун Чэнь медленно вскинул голову и уставился на него.

Его лицо ничего не выражало, но во взгляде читалось тошнотворное, безграничное отвращение.

Тонкие губы разомкнулись, выплюнув лишь одно слово:

— Пошёл вон.

Яочжи замер. Он растерянно смотрел на него, не веря своим ушам.

Из-за того что в его железе всё ещё оставались феромоны Гун Чэня, эмоции альфы ощущались до ужаса остро. Обычно нечувствительный, теперь Яочжи буквально физически воспринимал чужой настрой.

И этот настрой отзывался в нём единственным понятным словом: «Мерзость».

Гун Чэнь смотрел на него как на самую смердящую грязь под ногами. Его вид, его запах, само его существование — всё в Яочжи вызывало у альфы глубокое омерзение.

Яочжи онемел. Мысли вылетели из головы, оставив лишь звенящую пустоту.

Почему Гун Чэнь смотрит так? У него... просто плохое настроение?

Но размышлять было некогда: из раны на руке альфы непрерывно сочилась кровь. Нужно было срочно перевязать её.

Сглотнув страх, Яочжи сделал шаг вперёд:

— Одноклассник Гун, у тебя рука...

— Заткнись, — ледяным тоном оборвал тот.

И вместе с этим словом Яочжи отчётливо услышал невысказанный подтекст: «От твоего голоса меня тошнит».

Покорно замолчав, Яочжи попробовал выдавить хотя бы неловкую улыбку, но губы не слушались. Глаза застлали горячие слёзы.

На губах Гун Чэня искривилась полная яда усмешка:

— Ли Су предупреждал меня. Говорил, что вы, низшие беты, готовы на любую грязь, лишь бы пролезть к высокородным. Сказал, что твоя глупость — всего лишь умелая игра, чтобы усыпить мою бдительность. Я тогда не поверил. А теперь вижу: всё так и есть. Низшие беты... Вы и правда вызываете только тошноту.

Яочжи слышал каждое слово, но их смысл никак не складывался в голове.

Гун Чэнь снова презрительно фыркнул:

— Ты думал, если я оставил на тебе метку, то стану нести за тебя ответственность? Какой наивный бред. Тело низшего беты ничего не стоит. Да если ты после этого даже забеременеешь, тебе всё равно никогда не переступить порог дома Гун.

Яочжи открыл рот, желая спросить, в чём он виноват, но альфа не дал ему вымолвить и звука:

— Заткнись. Твой голос мне омерзителен.

Яочжи послушно замолк.

Гун Чэнь смотрел на него свысока — безжалостный, чужой:

— Неужели за эти полтора месяца ты всерьёз решил, будто я считаю тебя другом?

"А разве... нет?" — застыл в глазах юноши немой вопрос.

Гун Чэнь насмешливо щурился, смакуя его растерянность:

— Пу Яочжи, ты правда верил, что низший бета может быть другом высшему альфе?

Голос окончательно изменил Яочжи. Он беспомощно смотрел на Гун Чэня, чьё выражение лица без слов отчеканивало: «Да кто ты вообще такой?»

В горле встал горький ком. В глазах закипели слёзы.

А ведь он верил... верил искренне, что они действительно подружились. Верил, что для настоящей дружбы не важен ни пол, ни то, рождён ты высшим альфой или низшим бетой.

Спустя долгую, мучительную паузу Яочжи едва слышно выдавил:

— Но почему... почему тогда?..

Ответ Гун Чэня был краток и добил его окончательно:

— Нужно же было как-то убить время.

Просто убить время.

Значит, все эти полтора месяца он был лишь глупой, смешной игрушкой, не знающей своего места.

Яочжи опустил голову.

"Вот, значит, как... Мама была права".